

N.I. 271); *Caierul de burungiuc din furcă și suveica stativelor unde se țesea filaliul, stau părăsite și neatînse* (C. Negruzzi, C.I. 107). Наблюдается, однако, и обратный переход, при котором отдельные слова, употребляющиеся в русском и украинском языках во множественном числе, приобретают на румынской языковой почве форму единственного числа: *bihuncă* 'легкий четырехколесный экипаж, беговые дрожки' <укр. *бігунки*, *droagă* 'большая телега' <русс. *дроги*. Ср. их употребление в контексте: *Umbla pe moșie încălecat pe o bihuncă de curse; îl ducea în trap întins un harmăsar negru* (Sadoveanu, M.C. 21); *Mai în toată simbăta ne încărca în o droagă de-a mănăstirei Neamțului și ne ducea la stărație* (Creangă, A. 76).

Явление субституции, рассмотренное в разделе фонетики, проявляется также в области морфологии. Речь идет, в частности, о замене морфемы *-o*, встречающейся в окончании восточнославянских имен существительных среднего рода, румынской флексией *-ă* (<лат. *a*), в результате чего соответствующие слова становятся на дакорумынской почве существительными женского рода. Ср. *coromîslă* 'кормысло' (<укр. *кормисло*), *delă* 'административно-судебное разбирательство; собрание документов' (<русс. *дело*), *rovîdlă* 'повидло' (<укр. *повидло*, русск. *повидло*, ср. и польск. *powidło*). Указанная субституция вызвана тем, что в румынском языке нет таких существительных, которые оканчивались бы в им. падеже на *-o*. То, что в подобных случаях имеем дело с фактом морфологического, а не фонетического порядка (как это полагали до недавнего времени), было убедительно доказано акад. Э. Петровичем на примере древних южнославянских заимствований типа *greblă* < *greblo*, *ocnă* < *okno*, *slovă* < *slovo*¹ (ср. также *ciudă* < *čudo*, *daltă* < *dlato*, *nicovă* < *nakovalo* и др.²).

Такого же порядка является субституция флексии *-a* румынской флексией *-ă* у существительных женского рода, вызванная, в свою очередь, отсутствием морфемы-окончания *-a* в нечленных формах румынских имен существительных. Ср. *barilă* 'боченок' (<укр. *барилка*), *bragă* 'брага' с вариантом *brahă* (<русс. *брага*, гесп. укр. *брага*), *jolnă* 'опухоль' (<укр. *жовна*), *nură* 'норка' с вариантом *porcă* (<укр. *нурка*, гесп. русск. *норка*), *silitră* 'селитра; порох' (<русс. *селитра*). В противоположность явлению, характерному для слов типа *coromîslă* < *кормисло*, такая подмена (т. е. *-a* > *-ă*) не сопровождается изменением категории рода, ибо как в языке-источнике, так и в заимствующем языке подобные слова относятся к одному и тому же роду — к женскому.

¹ Acad. E. PETROVICI, *Evoluție fonetică, substituție de sunete sau adaptare morfologică? (În legătură cu tratamentul lui o final în elementele slave ale limbii române)*, «Cercetări de lingvistică», 1961 (VI), 1, стр. 25—29. (Аналогичную мысль акад. Э. Петрович высказал несколько раньше в „Dacoromania”, X, 1, стр. 137—138). См. также: I. PĂTRUȚ, *Despre genul «neutru» în limba română*, «Cercetări de lingvistică», 1956 (I), 1—4, стр. 31—32.

² См., например, AL. ROSETTI, *Istoria limbii române*, III (*Limbile slave meridionale, sec. VI—XII*), Editura Academiei R.P.R., București, 1962, стр. 93. Акад. А. Росетти считает, однако (в отличие от акад. Э. Петровича), что переход слав. безударного конечного *o* в рум. *a* является фонетической субституцией.